

© Т. Б. Ильинская

Военная академия материально-технического
обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва
Санкт-Петербург, Россия

**Художественная тональность путевых заметок Н. С. Лескова
«Монашеские острова на Ладожском озере»:
от комического к религиозному**

В статье рассматривается поэтика комического в изображении околоцерковной среды у Н. С. Лескова. В центре внимания автора статьи — путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). Связанные с жанром благочестивого хождения, записки сосредоточивают разнообразные виды комического, что делает произведение контрастным по отношению к существующей литературной традиции. Проведенное сопоставление первоначального газетного варианта «Монашеских островов» с окончательным текстом позволяет сделать вывод о том, что Лесков при переработке для книжной публикации целенаправленно усиливал комическую тональность очерка. Рассмотрение «Монашеских островов» в контексте упоминаемой в них апологетической литературы, посвященной Валааму, дает материал для реального комментария к путевым заметкам, раскрывая намеки автора, полемизирующего с либеральной публицистикой. Анализ «Монашеских островов» в избранном ракурсе позволяет выстроить типологию смехового и комического: глумливый смех атеиста, «пошлый хохот» толпы, комическое снижение святошества, суеверного мифотворчества, жеманного дамского благочестия, а также языковой комизм, возникающий при использовании просторечия, церковнославянизмов и библеизмов.

Ключевые слова: Лесков, комизм, смех, ирония, юмор, карикатура, «Монашеские острова на Ладожском озере».

Информация об авторе: Ильинская Татьяна Борисовна, ORCID 0000-0003-2690-7930, доктор филологических наук, профессор, Военная академия материально-технического обеспечения, наб. Макарова, д. 8, г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tb-il3@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2020

Дата публикации статьи: 17.06.2020

Для цитирования: Ильинская Т. Б. Религиозное и комическое у Н. С. Лескова (Путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере») // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 228–243. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-228-243

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Tatyana B. Ilyinskaya

General of the Army A. V. Khrulev Military Logistics Academy
St. Petersburg, Russia

Religious and comic in Nikolai Leskov (Travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga”)

The article discusses the poetics of the comic in the artistic depiction of the near-church environment by Nikolai Leskov. The author of the article focuses on travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga” (1873). Associated with the genre of pious walking, notes concentrate various types of comic, which makes the work contrast with respect to the existing literary tradition. The comparison of the original newspaper version of “The Monastic Islands” with the final text allows one to conclude that Nikolai Leskov deliberately enhanced the comic tone of the essay when processing it for book publication. An examination of “The Monastic Islands” in the context of the apogetic literature on Isle of Valaam mentioned in them provides material for a real commentary on travel notes, revealing hints of the author who is polemicising with liberal journalism. An analysis of “The Monastic Islands” from a chosen perspective allows us to build a typology of humour and comic: a mocking laugh of an atheist, “vulgar laughter” of the crowd, comic decline of religious hypocrisy, superstitious myth-making, cutesy feminine piety, as well as linguistic comic arising from the use of colloquialism, church-slavicism and biblicism. On the basis of the complementarity of the voices of the main and secondary narrators, comic characters of the near-church environment are created including a “terrorising hypocrite”; an exalted lady of society, arbitrarily combining spiritualism with Christianity; “unwilling pilgrim”; a superstitious simple involved in the process of “religious” legend-making. The plot-chronotopic connections of the “Monastic Islands” and “The Enchanted Wanderer” printed after them explain the reasons for the decrease in the comic severity of the essay as the narrative moves to the ending.

Keywords: Nikolai Leskov, comic, laughter, irony, humour, caricature, “Monastic Islands on Lake Ladoga”.

Information about the author: Tatyana B. Ilyinskaya, ORCID 0000-0003-2690-7930, Doctor of Philology, Professor, General of the Army A. V. Khrulev Military Logistics Academy, Nab. Makarova st 8., St. Petersburg, Russia

E-mail: tb-il3@yandex.ru

Received: April 15, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Ilyinskaya T. B. Religious and comic in Nikolai Leskov (Travel notes “Monastic Islands on Lake Ladoga”) // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 228–243. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-228-243

Склонность Н. С. Лескова к комизму очевидна. Сам писатель, по свидетельству мемуаристов, имел весьма насмешливый ум, и эта черта его личности нашла отражение в творчестве: почти в каждом его произведении встречаются разнообразные виды комического — начиная от мягкого юмора и заканчивая едкой сатирой. Даже в сюжеты, возбуждающие скорбь, порой врываются анекдотические коллизии. Однако приходится констатировать недостаточную изученность проблемы комического, его видов и оттенков в наследии Лескова. Вопрос об особенностях лесковского смеха, о влиянии на Лескова других писателей-юмористов (прежде всего, любимого писателем Л. Стерна) — один из не проясненных в науке.

Не лишена комических тонов у Лескова и специфически, оригинально подаваемая им религиозная жизнь народа. Лесков нередко воспринимается как классик церковного юмора (то есть юмора, связанного с изображением церковной и околоцерковной среды), свидетельством чему являются признания его «продолжателей» (например, «Мелочи архи..., прото... и просто иерейской жизни» Михаила Ардова, написанные вслед лесковским «Мелочам архиерейской жизни»).

В свете проблемы комического, связанного с религиозной сферой, в творчестве Лескова представляют интерес путевые заметки «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). В центре нашего внимания в данной статье — поэтика лесковского юмора, касающегося внешних проявлений религиозности. Специфика этой разновидности юмора особенно заметна в некоторых литературных жанрах. Лесковские «Монашеские острова», связанные с жанром благочестивого хождения, тем не менее, сосредоточивают в себе разнообразные виды комического, что делает произведение контрастным по отношению к существующей литературной традиции [Долгова: 298].

Цель предлагаемой статьи — выявить средства порождения комического эффекта в «Монашеских островах», а также проследить

соотношение комической и лирико-патетической линий произведения.

Несмотря на позднейшее отрицательное отношение писателя к своим путевым запискам («...я их терпеть не могу и всегда отрывал и бросал» [Лесков 1958: 371]), «Монашеские острова» — далеко не случайное и не проходное произведение в наследии писателя. В лесковедении неоднократно высказывалась мысль о том, что «Монашеские острова» составляют своего рода дилогию с таким лесковским шедевром, как «Очарованный странник». Е. А. Макарова назвала «Очарованного странника» «художественным переосмыслением» темы, заданной «Монашескими островами» [Макарова: 29]. В. А. Туниманов также обратил внимание на вводный, «предваряющий» характер «Монашеских островов», сформулировав связь рассматриваемых произведений: ««Очарованный странник» является художественным продолжением путевых очерков и исполнением обещания, данного в финале» [Туниманов: 341]. Н. Н. Старыгина писала о близости этих двух произведений, обращенных к «национальному преданию» [Старыгина: 120].

К аргументам Н. Н. Старыгиной, Е. А. Макаровой и В. А. Туниманова можно добавить соображения, касающиеся публикации и творческой истории рассматриваемых произведений. «Монашеские острова», написанные под впечатлением поездки на Валаам летом 1872 г., Лесков отдал вместе с «Очарованным странником» в «Русский вестник». Однако обе новые лесковские вещи, несколько месяцев «провалявшись» в редакции, так и не были напечатаны, несмотря на хлопоты доброжелателей писателя. Они были опубликованы уже во второй половине 1873 г. в газете «Русский мир»: в августе-сентябре там появляются «Монашеские острова», а в октябре-декабре — «Очарованный странник». Можно предположить, что для Лескова, сначала планировавшего в «Русском вестнике» издать документальную вещь перед художественной, а затем реализовавшего этот замысел в «Русском мире», было важно таким образом подготовить читательское восприятие для адекватного прочтения «Очарованного странника».

Кроме того, на фоне «Монашеских островов» резче проступает художественная специфика «Очарованного странника», поэтому, с одной стороны, можно говорить о единстве этих произведений, а с

другой — о противоположности. И хотя путевым запискам и повести присуща сюжетно-хронотопическая общность (пароход плывет по Ладожскому озеру к Валааму, и паломники ведут беседы, касающиеся вопросов веры), очевиден контраст их тональностей: если «Монашеские острова» насыщены комическими моментами, то в «Очарованном страннике» комизм практически сходит на нет.

Сопоставление первоначального газетного варианта «Монашеских островов» с переработанным, окончательным текстом позволяет сделать вывод о том, что Лесков целенаправленно усиливал комическую тональность очерка, в то время как лирико-патетические страницы произведения остались неприкосновенными. Готовя «Монашеские острова» для книжной публикации, Лесков вводит несколько смешных ситуаций. Например, в газетном варианте рассказ дьячка о том, как полицмейстер «отчитал» его сына от пьянства («с доброго ко мне расположения сто розог ему и закатил» [Лесков: 241]), заканчивается так: «...а как он, господин полковник, ныне при несчастьи, то не хочу быть неблагодарным им за сына, еду за них помолиться»¹. Комизм этой истории исцеления розгами в окончательном тексте усиливается тем, что полицмейстер, неоднократно исцелявший от пьянства, сам запил: «Господин полковник, ныне при несчастьи... *Такое положение, что, от чего моего сына пользовали, сами того не поостереглись и пришли в расстройство*, то я не хочу быть неблагодарным им за сына, еду за них помолиться» (курсивом выделена вставка — Т. И.) [Лесков: 241].

Помимо большего числа забавных эпизодов, в окончательный текст путевых заметок добавлены речевые краски юмористического свойства. Как отмечал Л. Е. Пинский в работе, посвященной юмору, «в русской литературе XIX в. юмором обычно отмечен патриархально-национальный колорит народных образов – нередко как параллель «интеллигентному» герою: от А. С. Пушкина (Савельич, капитанша в «Капитанской дочке») и М. Ю. Лермонтова (Максим Максимыч в «Герое нашего времени») до Н. С. Лескова и реже – у Л. Н. Толстого» [Пинский: 1017]. Перерабатывая свои записки для публикации 1874 г., Лесков дополняет их эпизодами, в которых звучит просторечная реакция на события, связанные с областью религиозного: «щелканул-с» [Лесков: 268] (реплика, заключающая рассказ о современных чуде-

¹ Русский мир. № 207. 9 авг. С. 1

сах — о том, как святой угодник наказал человека, который отказывался его почитать); «нечто это хорошо к Богу грестись да хлопотаться?» [Лесков: 237]. Сочетание рассмотренных выше видов юмора — лексического и ситуативного — можно проследить в обширной вставке, добавленной к спору пассажиров корабля о мнимом еретичестве православного иерарха. Ханжески настроенный паломник, со свойственным ему религиозным высокомерием, говорит о безверии одного из ученых епископов — Филарета (Филаретова). Слыша возражения своего богословски образованного собеседника, он открывает источник своих сведений:

- Так за что же его книгу запретили?
 - Ее не запрещали!
 - К...к...к...а...к...к! мне у Кораблева в лавке мальчик говорил.
 - Ну вот еще авторитет!
 - Он, стало быть, соврал.
 - Наверно.
 - Ишь каналья! А почему же об этом Филарете такие слухи ходят?
- [Лесков: 265].

Комизм этого диалога порождается еще и тем, что ханжа оставляет свой благостный тон, и с губ его срывается брань [Лесков: 265]. Таким образом, Лесков, перерабатывая свои путевые записки для последующих публикаций, расширяет сферу комического, которая захватывает и область религиозных представлений.

Смеховое и комическое начала проявляют себя уже в самом начале очерка, когда идет своеобразный обзор литературы, посвященной Валааму. Автор ссылается на эпизоды прочитанной им книги о Валааме (1864), которые могли вызвать смех атеиста. «В этих книгах, при их апологетическом направлении, всегда заметно, к сожалению, несоблюдение чувства меры», — с явным сожалением автор комментирует общий тон посвященной святым местам литературы, которую отличает, по его словам, «несдержанная восторженность» [Лесков: 231]. В доказательство своей позиции он приводит действительно забавные факты из апологетических книг, например, утверждение о том, что около монастыря «даже лесные птицы не вьют гнезд и не выводят детей» [Лесков: 232]. Признавая уязвимость

такой религиозной экзальтации, делающей эти книги смешными в глазах атеистов, автор признает: «В подобных сему неловкостях (я затрудняюсь назвать это иначе) нет недостатка и в одной из распространеннейших книг о Валааме» [Лесков: 232]. Здесь имеются в виду истории, подобные рассказу о том, как при строительстве наружного флигеля монастыря «лошадь, возившая материалы, оступилась и со всюю упряжью и кладью упала с утеса <...> вниз на 17 сажен» (т. е. с высоты в 36 м. — *Т. И.*). «Случившаяся тут братия, — продолжает свидетель этого чуда, — как бы невольно, воскликнула один голос: “Преподобные Сергий и Герман, спасите ее!” Глядят — лошадь упала на ноги невредима и упряжь цела! Сбежавший за нею под гору работник нашел ее спокойно щиплющую траву, привел наверх и продолжал на ней работать, как бы ничего не случилось» [Валаамский монастырь: 212].

В обширной «донарративной» части очерка последовательно выстраивается защита этих простодушных сочинений о Валааме от сомнительного остроумия обличительных книг; причем автор использует понятие «глумление». Безусловно, осведомленный о том, что в церковнославянском и русском языках это слово имеет разный смысл («В заповедех Твоих поглумлюся» — Пс. 118:15), Лесков, не прибегая в данном случае к «подстариненному» языку, использует это слово в современном значении — глумление как издевательская насмешка: «В этом роде, по преимуществу, написаны статьи присяжных и неприсяжных сочинителей, в разное время посещавших Валаам и считавших непременно своим долгом поглумиться над чернецами пустыни за их отшельнический привет и хлебосольство» [Лесков: 232]. Такая публицистически прямая, непосредственная оценка становится средством авторского дистанцирования от неприятного для него вида смеха.

Другого рода смех, данный в негативном освещении, — это «пошлый хохот» [Лесков: 239] толпы, в том числе «богомольцев поневоле» [Лесков: 259] — то есть тех, кто вынужденно, под давлением различных житейских обстоятельств, отправляется на Валаам. Дистанцирование в данном случае создается с помощью комментариев основного нарратора, отступающего от последовательного изложения наблюдаемых событий (например: «Это выходило довольно гадко и противно» [Лесков: 282] — по поводу шутовской песни пьяных,

пародирующей церковное пение); а также с помощью оценочных суждений вторичного нарратора, называющего подобные ситуации «соблазном» и «искушением», от которых «иночество так много страдает» [Лесков: 239].

От ситуаций изображения чужого смеха переходим к смеху, вызываемому автором. Крупным планом в «Монашеских островах» дано комическое изображение, практически карикатура, религиозного фанатика. Из четырнадцати главок очерка он появляется в пяти со своими неизменными притязаниями на доминирование в религиозной сфере. «Это просто ни на что не похоже: едут на богомолье, а едят апельсины» [Лесков: 275]; «...я про это не хочу знать, а я верую» [Лесков: 261]; «это в монастыре нельзя» [Лесков: 291], — такого рода высказываниями он пытается установить свой диктат в среде паломников. Принадлежность этого, по слову нарратора, «терроризирующего святоши» [Лесков: 283], комической линии произведения выстраивается, во-первых, благодаря тому, что нарратор перенимает прозвище «Додон», которое он слышит от земляков ханжи, простых людей. В их толковании это слово не соотносится с персонажем пушкинской сказки. Додон, в народном словоупотреблении, — неказистый, несуразный, малорослый человек, горбун или карлик. И действительно, неодобрительное отношение к святоше его земляка вкупе с ироническим описанием нарратора — «маленький карапуз, почти карлик, со сморщенным, как печеное яблоко, лицом и маленькими быстрыми карими глазками» [Лесков: 245] — согласуется с толкованием этого слова у В. И. Даля. В соответствии с этим говорящим прозвищем — карлик, несуразный и неказистый человек — в очерке имеются комические черты и во внешнем облике святоши («пожал плечами, сложил на брюшке ручки» [Лесков: 292], «семена ножками сбоку контрольного чиновника» [Лесков: 294]), и в окружающих его вещах («принялся за тощую желтенькую брошюру, подаренную ему кем-то в монастыре» [Лесков: 313]).

Подхватив это именование, нарратор в своем повествовании наполняет его новым, уже литературным, смыслом: в словосочетании «царь Додон» прозвище становится метафорическим и отсылает к пушкинскому персонажу. А. А. Ахматова, сопоставив «Сказку о золотом петушке...» и текст-прототип Ирвинга, пришла к выводу, что у Пушкина «очень усилен сатирический характер» событий и героев.

«Пушкин иронизирует только над царем», «образ которого совершенно гротескный», — так формулирует Ахматова художественное переосмысление исходного сюжета [Ахматова: 26]. У Лескова убедительным основанием для метафорического переноса в именовании «терроризирующего святоши» «царем Додоном» становится сходство с царем из сказки о золотом петушке. Связь лесковского персонажа с пушкинским прототипом проявляется в его «грозном», задиристом, воинственном нраве, который ведет к постоянным «богословским» спорам, к претензии на роль арбитра в религиозных вопросах. Особенно резкую карикатурность образ «царя Додона» получает у Лескова в почти водевильной сцене его падения с лестницы (ср. у Пушкина: «...с колесницы пал Дадон»), а также в эпизодах, где он публично изобличается в религиозном невежестве богословски образованным собеседником.

Эпизоды с «царем Додоном», образующие сквозной комический мотив святошества в «Монашеских островах», интересны еще и тем, что позволяют проследить развитие лесковского замысла о русском Тартюфе, который у писателя нашел впоследствии более полное и еще более комическое выражение в очерках «Мелочи архиерейской жизни». Осмеяние «царя Додона» идет главным образом через изображение околицеркового обскурантизма, подозревающего теологию в еретичестве и отказывающего в «боговдохновенности» ученым богословам.

Другим заметным источником комизма в «Монашеских островах» становится народное богословие. Простонародные религиозные представления и верования включаются в повествование самым естественным образом: нарратор, желающий «полюбоваться на здешнюю публику» [Лесков: 276], ходит по кораблю и слушает разговоры простолоудинов, где есть и поэзия глубокой веры, и темные смешные суеверия. Например:

— А позвольте, ваше степенство, как теперь при молитве насчет стекла?

— В каком это смысле?

— Да вот теперь на Волковом кладбище, где девицы служат, из стекол галдарейку забрали. Ничего это, сквозь стекло молиться?

— Ничего... если не о чем особенно, а так... о семейном, так ничего [Лесков: 276].

Поэтика комического в «Монашеских островах» включает в себя такой прием, как шутливый переход нарратора на точку зрения простецов-богомольцев, видящих на каждом шагу дьявольские козни и опасющихся «соблазна» и «искушения». Этот прием представлен в рассказе о забытых в Петербурге сигарах («бес начинает свои искушения: пробыть четыре дня без курения» [Лесков: 242]), в описании странного попутчика («Мой торговый сосед толкнул меня украдкой под бок и бросился бежать, а я остался один с искушителем» [Лесков: 252]).

Контрастно по отношению к простонародным религиозным суевериям изображены композиционно примыкающие к ним дамские беседы, в которых христианские и медиумические верования причудливо соединены. Заметным источником комизма в «Монашеских островах» становится женская экзальтированная вера, к которой Лесков, как свидетельствует его эпистолярный, относился неизменно иронически.

Дамские «беседы в богосмысленном духе» [Лесков: 279], в отличие от простонародных суеверных разговоров, предваряются ироническим комментарием нарратора: «Архангел был так прекрасно описан рассказчицею, что я не возьмусь повторять этого описания. Помню только, что он был в черной легкой блестящей мантии, которая слегка гремела, а по стигам, которые образовывались ее складками, как золотые блики сквозили какие-то огнистые нити <...> Далее я не помню этого описания и самого рассказа, но помню, что он был очень поэтичен и грациозен» [Лесков: 279].

Стилистика бесед «милосердных дам» созвучна лингвостилевым особенностям разговоров гоголевских дам из «Мертвых душ». То же обилие междометий («Ах; как это можно! Я верю в перевоплощение...»), эмоциональный синтаксис («Ах, ma chère! все одержимые; но уже не Сведенборгу ли больше верить?.. Боже сохрани! Кузен Илья получил сообщение, что Сведенборг был совсем одержим» [Лесков: 280]), неумеренное использование прямой речи («Я решительно не могла подойти под благословение и говорю своим: нет, как хотите, а я не могу. <...>

Они благословлялись, а я говорю: нет уже, я на Валааме, у отца Дамаскина благословения попрошу» [Лесков: 279]).

Другой случай речевого комизма в «Монашеских островах» — витиевато-выспренность речь, обильно оснащенная церковнославянизмами. В такой манере дьячок-паломник рассказывает историю своего сына, бывшего пьяницы: «...Сына моего, на которого вся моя радость и упования, привел из отчаянного небытия в радостнотворное благополучие» [Лесков: 240]. Представленная здесь ситуация не комична — комичен способ ее описания. Малообразованный дьячок, подобно фонвизинскому Кутейкину, использует профессионально привычную лексику и не может перейти в другой, более уместный здесь лексический регистр.

Языковой комизм встречается и в речи нарратора: иронический эффект возникает при употреблении библеизмов и церковнославянизмов по отношению к достаточно прозаическим реалиям. Так, о сигарах, купленных в провинциальном Кексгольме, он говорит, что «они смердят, яко тридневны» [Лесков: 242]. Как отмечал А. А. Потебня, «особого рода стилистическая ирония происходит при сознании самим говорящим <...> противоположности между высоким слогом словесной оболочки и пошлостью или низостью мысли» [Потебня: 389].

Отдельный случай юмора, затрагивающего церковно-религиозную тематику, — это не человек осмеиваемый («царь Додон»), это не смешной в своей религиозности человек (суеверы-простецы), а человек по-доброму шутящий. Таким в «Монашеских островах» предстает архимандрит Коневецкого монастыря Израиль, о котором один из «богомольцев поневоле», не раз скрывавшийся на Коневце от мирового судьи, рассказывает: «Порядок держит, но все часто с шуточкою. Я раз тоже так приплыл и только схожу, а он на пристани стоит и, разумеется, видит уже, с каким я намерением притекаю. Я говорю: “Благословите, отец архимандрит!” А он этак весело смотрит и поднимает свой костыль: “Вот дай-ка, говорит, я тебя перво-наперво этим благословлю”. Очень доброй души человек» [Лесков: 257]. В изображении архимандрита Израиля подчеркивается такое свойство, как веселость души и склонность к доброй шутке: «Он достиг доброго века, но очень бодр, и в его ласковых, веселых глазах действительно светится много особенной монашеской доброты, которую, как известно, к сожалению, очень

немногие умеют уберечь до старости, а уберігают ее лишь люди добрые и “чистые сердцем”» [Лесков: 286].

Лесков впоследствии даст более подробные изображения религиозности, проявляющейся в том, что неизменно любовное расположение к людям внешне выражается через добродушную усмешку и ласковую шутливость. Таков епископ Неофит в «Мелочах архиерейской жизни», таков церковный живописец Ларий в «Маленькой ошибке». Этот лесковский ряд персонажей, которые в общении с ближним вносят тон радостной приподнятости и доброй шутливости, заставляет усомниться в безоговорочности утверждения С. С. Аверинцева, писавшего, что «в народном языковом обиходе глагол “пошутить” систематически обозначает деятельность бесов», что «сам язык связывает “беса” и “шутку”, “грех” и “смех» [Аверинцев: 341]. Можно сослаться и на авторитет Пушкина, писавшего, что отличительная черта русских – это «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» [Пушкин: 23]. Слова «шут» и «лукавый» часто используют как синонимы, однако у Пушкина здесь отсутствуют какие-либо демонологические коннотации. Это смех примиряющий, утешающий и объединяющий.

Подводя итоги, можно выстроить общую картину форм, средств и приемов комического (а также смехового) в «Монашеских островах».

В «донарративной», обзорной части очерка, в изображении неприемлемого для него смеха, связанного с религиозной сферой (глумливые насмешки атеистов-обличителей), повествователь по-публицистически прямо и открыто выражает свою позицию. Изображая начальные события паломничества, нарратор с помощью многочисленных шутливо-иронических отступлений от основной линии повествования создает картины комических проявлений религиозности (кариатура воинствующего пустосвята, иронически прокомментированные религиозные восторги «дам-мироносиц»). Комическая сфера «Монашеских островов» включает в себя также забавные «анекдотики» [Лесков: 240] вторичных нарраторов. На основе взаимодополнения голосов основного и вторичных нарраторов создаются комические типы околоцерковной среды: «терроризирующий святоша»; экзальтированная светская дама, совмещающая христианство с модным в то время спиритизмом; «богомалец поневоле»; суе-

вер-простец, участвующий в процессе «религиозного» легендотворчества.

Композиционно-эмоциональный строй путевых заметок определяет взаимодействие комической и лирико-патетической линий. Если в начальных и срединных главах очерка внимание нарратора обращено в сторону чудачеств «валаамских оригиналов», то далее следует резкий перелом интонаций. Собранные в единый фокус, эти смешные, нелепые ситуации и люди вызывают уже не смех, а скорбные размышления: «Боже мой! Боже мой! <...> Куда стремишься, куда плывешь ты, о Святая Родина, на своем углу корабле со своими пьяными матросами?» [Лесков: 283].

После этого лирико-патетического всплеска тон путевых заметок меняется: комических положений становится значительно меньше, лирическое начало заметно усиливается. По-прежнему комическую ноту вносит в повествование «царь Додон» с его притязаниями на особую роль в монастыре. Смешные положения, в которые он попадает, порождают эффект комического снижения, и с помощью смеха выделяются контуры негативного в обыденно-религиозной сфере.

Снижение комической остроты очерка по мере продвижения повествования к финалу позволяет понять, почему настолько по-разному изображены паломники, плывущие к Валааму, с одной стороны, в «Монашеских островах» и, с другой, — в «Очарованном страннике». Комические эффекты, вызываемые святошеством, жеманным благочестием, забавными суевериями, были бы неуместны в эпосе об очарованном страннике. Спад комизма в последних частях «Монашеских островов» становится одним из приемов, которые придают произведению «эпический характер» [Старыгина: 123] и готовят почву для патетического финала о русской вере. Таким образом, нравоописательный комический очерк, отчасти травестирующий жанр путешествия ко святым местам, заканчивается как эпическая поэма, центральным событием которой становится характерная для творчества Лескова сцена религиозного катарсиса. Поэтому «Монашеские острова» можно рассматривать в ряду тех лесковских произведений («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник» и др.), в которых изображается религиозное преображение человека [Столярова: 4, 246-260]. По мере приближения к Валааму и погружения в его атмосферу комическая раз-

ноголосица уступает место «целомудренному молчанию» [Лесков: 301], что позволяет прозвучать в полный голос двум поэтическим видениям, в одном из которых, где появляется богатырь, можно увидеть предчувствие сюжета об Иване Флягине («Он был в полном смысле слова богатырь» [Лесков: 67]).

Смена художественной тональности становится тем средством, которое дает возможность переключить внимание с внешнего на внутреннее и создать ощущение причастности высшему, горнему миру.

Список литературы

Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. С. 341–345.

Ахматова А. А. Последняя сказка Пушкина // Анна Ахматова о Пушкине. Статьи и заметки. М.: Книга, 1989. 368 с.

Валаамский монастырь. Описание Валаамского монастыря и подвижников его. СПб., 1864. 289 с.

Долгова Е. В. Два взгляда на «Северный Афон» (А. Н. Муравьев и Н. С. Лесков) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2002. Т. 4. С. 292–299.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Терра, 2014. 541 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1958. 861 с.

Макарова Е. А. Творческое «паломничество» Н. С. Лескова // Православные духовно-нравственные идеалы и традиции – опора российского общества и государственности. Томск, Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. С. 28–33.

Пинский Л. Е. Юмор // Краткая литературная энциклопедия, М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8. Стб. 1012–1018.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. М.: Директ-Медиа, 2011. 100 с.

Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова //

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. С. 11–15.

Старыгина Н. Н. «Монашеские острова на Ладожском озере» Н. С. Лескова (жанр и композиция) // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск: Петрозаводск. гос. ун-т, 1986. С. 116–124.

Столярова И. В. На пути к преображению: Человек в прозе Н. С. Лескова. СПб.: С.-Петербургск. гос. ун-т, 2012. 325 с.

Туниманов В. А. Валаам в творчестве Н. С. Лескова // Туниманов В. А. Лабиринт сцелений. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 330–347.

References

Averincev S. S. *Bahtin i russkoe otnoshenie k smehu* [Bakhtin and the Russian attitude to laughter]. *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letija E. M. Meletinskogo* [From myth to literature: A collection in honor of the 75-th anniversary of E. M. Meletinsky]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1993, pp. 341–345. (In Russ.)

Ahmatova A. A. *Poslednjaja skazka Pushkina* [The Last Tale of Pushkin]. *Anna Ahmatova o Pushkine. Stat'i i zametki* [Anna Akhmatova about Pushkin. Articles and notes]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 368 p. (In Russ.)

Valaamskij monastyr'. Opisanie Valaamskogo monastyryja i podvizhnikov ego [Valaam Monastery. Description of the Valaam Monastery and its ascetics]. St. Petersburg, 1864, 289 p. (In Russ.)

Dolgova E. V. *Dva vzgljada na "Severnyj Afon"* (A. N. Murav'ev i N. S. Leskov) [Two views on "North Athos" (A. N. Muravyov and N. S. Leskov)]. *Hristianstvo i russkaja literatura* [Christianity and Russian literature]. St. Petersburg, Science Publ., 2002, vol. 4, pp. 292–299. (In Russ.)

Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Vol. 12. Moscow, Terra Publ, 2014, 541 p. (In Russ.)

Leskov N.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: in 11 vols. Vol. 11, Moscow, GIHL Publ., 1958, 861 p. (In Russ.)

Makarova E. A. *Tvorcheskoe "palomnichestvo" N. S. Leskova* [Creative "pilgrimage" of N. S. Leskov]. *Pravoslavnye duhovno-nravstvennye idealy i tradicii — opora rossijskogo obshchestva i gosudarstvennosti* [Orthodox spiritual and moral ideals and traditions are the pillar of Russian society and statehood]. Tomsk, Tomsk Center for Scientific and Technical Information Publ., 2015, pp. 28–33. (In Russ.)

Pinskij L. E. *Jumor* [Humor]. *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija* [Brief Literary Encyclopedia]. Moscow, Sov. encikl. Publ., Vol. 8, 1975, col. 1012–1018. (In Russ.)

Potebnja A. A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From notes on the theory of literature]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2011, 100 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I. A. Krylova* [About the preface by Mr. Lemonte to the translation of fables I. A. Krylov]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] in 10 vols, vol. 6, Moscow, GIHL Publ., 1959–1962, pp. 11–15. (In Russ.)

Starygina N. N. *"Monasheskie ostrova na Ladozhskom ozere" N. S. Leskova (zhanr i kompozicija)* [Monastic Islands on Lake Ladoga" by N. S. Leskov (genre and composition)]. *Zhanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija* [Genre and composition of a literary work]. Petrozavodsk, Petrozavodsk. state univ. Publ., 1986, pp. 11–15. (In Russ.)

Stolyarova I.V. *Na puti k preobrazheniyu: Chelovek v proze N.S.Leskova* [On the way to transformation: The man in the prose of N.S. Leskov]. St. Petersburg, state univ. Publ., 2012, 325 p. (In Russ.)

Tunimanov V. A. *Valaam v tvorchestve N. S. Leskova* [Valaam in the work of N. S. Leskov]. *Tunimanov V. A. Labirint sčepenij* [Labyrinth of couplings]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013, pp. 330–347. (In Russ.)